

Автор представлен членом Художественного совета **Ларисой Морозовой-Цырлиной**

Лозоходцы

Так видят руду сквозь прозрачное чрево земное.
Так смотрят на солнце, а слышат гуденье огня.
Змеящийся воздух изъеден коррозией зноя,
И ос вуузелы в осоке высоко звенят.

Так рыбу выводят – уже на крючке – ощущая
Её полупойманность нервной, натужной лесой.
Так мчатся по встрече на чашку небесного чая.
Так, в лес уходя от погони, петляет косой.

Так мерит бывшая больным, обезлюбевшим взглядом.
Так дети, играя, случайно находят ключи
От дверцы за гранью...Заходят... Далёкое – рядом.
Так память о прошлом порой потрясённо молчит.

Так снится под утро столетним в тумане деревня,
Легка и бесклёкотна снов журавлиная вязь.
Вот так и живём и плетём – и неровно, и верно,
то матерной сказкой, то словом высоким давясь.

Фокус

А снег в предчувствии воды
Плывёт легко и бестелесно
Сквозь арки, стройки и сады,
Ему ни солоно, ни пресно,

Он в кадре тёмного окна
Проявлен фонарём, разглажен
И взгляда закреплён фиксажем,
И блёсток пыль подметена.

А на площадке во дворе
Снег поглощает лепет детский,
Его съедает пёс соседский
со взглядом старого скопца
И, во щенячество впадая,
Он голубей сгоняет стаю
С перил ближайшего крыльца.

И, воплощенный в сизарях,
Испуг промелькивает в ленте —
В проёме чёрном октября,
В затвором пойманном моменте.

Первопуток

Ты – эхо той звенящей тишины,
Что возникает перед первым звуком –
Быть может, метронома мерным стуком,
А может быть – дрожанием струны.

И белый шум, и вечные снега,
По первопутку вдаль скользящий полоз,
И голос... нет, пусть позже будет голос,
за кадром, а пока – лишь берега,

На дни и мили длинные поля,
Вернее то, что было берегами,
И не зима, а осень бело знамя
Повесила, укрыта им земля

Урочища, где пепел очагов
Под слоем обжигающего снега,
Как касса букв ледовых и слогов -
Речная дельта, альфа и омега.

* * *

Шиты белыми нитками стёжки-дорожки зимы,
И не бог весть какой нужен здесь следопыт-аналитик:
Не науки, напрасно умеющей множество гитик,
А наитий – случайных открытий волшебной сумы.

И за шагом неслышным тогда есть читаемый след
На понятном наречье зверья или мира пернатых,
«Полюби – и поймёшь», и уже в небесах тридевятых
На любые вопросы готов моментальный ответ.

Окрапивило ветром, приправленным снежной крупой.
Где подранок прошёл, там цепочка следов – опечаток
На краю окоёма дрожит в белизне непочатой
Тонкой бисерной нитью, ничейной визирной тропой.

Закуржавел подлесок. Морозом армирован дром.
Бездыханна марена. Измором – и голодом, и холодом -
Крепость-осень взята. Не грусти над её листопадом,
Зимний полдень уже колокольным звенит серебром...

Июльская ночь

Город, июльская ночь, и как будто впервые -
Все атональные шорохи, запахи, тени.
Это цикады на ясенях, маги живые?
К горнему хОрому тихих аккордов ступени?

Звездный ли дождь, как всегда, ксилофонит по крыше?
Голос из прошлого, арфы эоловой струны?
Песни филидов? Но шествие дальше и тише...
Ветви рисуют на небе и ноты, и руны.

Дремлют русалки над бледной июльской водою.
Завтра споранья им снова спешить на работу,
Бросив полвзгляда в озёр зеркала, чья забота –
В небо глядеться и помнить Луну молодою.

Месяц опять накромсал облаков из тумана,
Рыба плеснёт, иль махнёт тебе веточкой ива,
Не удивляйся, ничто в этой жизни не странно,
Если красиво, мой друже, запомни, – лишь если красиво.

Никогдабрь

Это месяц твой – Никогдабрь,
Это город твой – Навсегдад.
Это в горних чертогах – дождь,
А на твёрдой земле – вода.

Где листвы был обрушен флёр,
Амальгама сошла с небес,
Серебря зеркала озёр,
Паутинкой стянула лес.

То ли сплин в ребро, то ли бес, бес-
козырная дама тьмы,
С каждым вздохом теряя вес,
Испаряются наши сны.

В слюдяном окошке рассвет.
Час сиреневый. Всё как встарь.
Белый жемчуг далёких лет.
Это месяц твой – Никогдабрь.